

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Отечественная и зарубежная историография всегда уделяли значительное внимание проблемам российской модернизации. Однако не будет преувеличением сказать, что в литературе наиболее раскрученными преобразованиями остаются так называемые Великие реформы царя-освободителя Александра II. Им посвящён обширный пласт исследовательских трудов, где модернизация 1860–70-х годов презентована в качестве некоего образца, по которому должно оцениваться любое реформаторство в России.

В данной же книге речь пойдёт о завершающем этапе существования империи — эпохе Николая II. На ней останавливают своё внимание различные исследователи, пытающиеся осмыслить судьбоносный период нашего прошлого. Тогда в России родилась в полном смысле публичная политика, сформировались партии, была учреждена Государственная дума и т.д. Неудивительно, что интерес к этому этапу не угасает. Поражает другое: столь востребованная эпоха во многом остаётся своего рода *terra incognita* исторического ландшафта.

Виной тому крайняя политизированность предреволюционного периода, ведь родословные нынешних политических игроков берут начало как раз в нём. Разумеется, рождение либерально-общественного бренда, черносотенного движения и того же большевизма с точки зрения их последователей обязано выглядеть выигрышно. Поэтому, как правило, мы по-прежнему сталкиваемся с различными научно-медийными проекциями, обслуживающими конкретные политические потребности, но весьма далёкими от реалий. И под этим оказалось погребено немало того, что способно в корне изменить традиционные представления о царской России в последний период её существования.

У автора это понимание наметилось в ходе подготовки книги «Питер — Москва: схватка за Россию» (2014). В ней рассматривалось противостояние купеческой элиты и петербургской бюрократии. Непосредственно о купечестве ко времени выхода той книги было сказано и написано более чем достаточно. Но хотелось выяснить подробнее, как же происходило его взаимодействие с реакционными, как убеждала историография, чиновничьими верхами, которые препятствовали развитию бизнеса, а значит, и прогрессу. Этот тезис десятилетиями воспроизводили все, кто так или иначе погрязал в эпоху Николая II. Однако знакомство с новым кругом источников, существенно расширившимся в постсоветский период, определило новые исследовательские рубежи. Стало очевидно: главные будущие открытия связаны с полной переоценкой роли бюрократии в два предреволюционных десятилетия, начиная с качественных изменений её состава и заканчивая её расхождением с придворной средой как традиционным центром власти. Эти расхождения были связаны с разным видением того, каким путём должна развиваться страна. Собственно, именно они, эти расхождения, и составляли суть эпохи.

Приходится признать: противостояние правительства и купечества, которому посвящена книга «Питер — Москва: схватка за Россию» было далеко не определяющим. Долгие годы оно тлело подспудно, оставаясь на втором плане, а в острую фазу вступило в 1905 году, задним числом объявленном годом первой русской революции. Правда, и эти события вывели купечество на авансцену политической жизни совсем ненадолго. И лишь с лета 1915-го оно начинает играть весомую роль в борьбе с правительственными силами, выступив под либерально-западными знамёнами с большинством Государственной думы.

Подчеркнём: чрезмерное историографическое увлечение этим сюжетом как раз и мешает увидеть модернизационный проект, разработанный частью государственной элиты того времени. Отдельные его фрагменты кочуют по разным монографиям, где их приписывают кому угодно, но только не настоящим его авторам. Чтобы внести ясность, необходима расчистка исторического полотна, устранение всевозможных наслоений, серьёзно исказивших подлинные реалии. О реформах Николая II ещё недавно говорить было не принято: непонятым оставался сам предмет разгово-

ра. Как и либеральные, так и советские идеологические стандарты проявляли удивительное единодушие в оценке последнего царствования. Эпоха мракобесия, блокирования прогресса, вырождения верхов, или, иначе говоря, прелюдия к гибели империи. Преодоление этих стереотипов, укоренившихся в отечественной историографии, началось в постсоветские годы. Отправной точкой стало воспевание кадетской партии, по убеждению московской группы исследователей, располагавшей искомой программой развития, которую не дала осуществить реакционная бюрократическая клика. Презентация реформаторских потенций кадетов совпала с воспеванием фигуры С.Ю. Витте, чем занялся круг питерских учёных. Продолжилось всё П.А. Столыпиным, на рекламирование которого навалились уже всем миром, поскольку становилось очевидным, что кадетскими общественниками обойтись не получится.

Сами по себе отмеченные подвижки представляют значительный шаг вперёд, поскольку тема реформ в царствование Николая II наконец-то получила необходимое звучание. Однако историческая легитимация этого периода далека от завершения, а проводимая тогда модернизация страны ещё не выяснена с должной полнотой. Достигнутые рубежи могут считаться окончательными лишь теми, кто слабо знаком с корпусом многообразных источников и по каким-то причинам не утруждает себя их разработкой. Только в этом случае возможны такие перлы, как, например: если не «чудо Витте», то «мы говорили бы теперь об ином варианте развития Российской империи»¹. Сочетание «модернизация Витте — Столыпина», коим с лёгкостью оперируют в последнее время, вообще нельзя признать корректным по причине устойчивого неприятия, антагонизма в их отношениях. Так недолго обнаружить и «кадетско-стольпинский» вариант реформ, смешав заклятых оппонентов в одном «флаконе». Нельзя пройти мимо и ещё одного принципиального момента: если Витте относил к своим непосредственным заслугам любые преобразовательные усилия, то Столыпин позиционировал себя более скромно, никогда не претендуя на единоличное реформаторское авторство. Причисление же его к архитекторам модернизации, развернувшейся в начале XX века,

---

¹ Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте — Столыпина. СПб., 2016. С. 45.

является плохой услугой отечественному реформаторству, ограничивая его субъектность и вариативность.

Следующим шагом в изучении завершающего периода империи является «выведение в историографический свет» целого слоя управленцев, которые и являлись архитекторами экономического курса при Николае II. Преобразования начала XX столетия можно квалифицировать как наиболее масштабные за всю историю существования России. Разрекламированные Великие реформы Александра II явно уступают им по системности и глубине. В то же время адресовать модернизационные заслуги непосредственно Николаю II, к чему склоны нынешние ультрамонархические круги, значило бы находиться во власти воображаемого. Это, мягко говоря, не приближает к пониманию того, кем и как в действительности выработывался и осуществлялся реформаторский курс.

Большую помощь в подготовке настоящей книги оказали труды учёных, относящихся к так называемому новому направлению. Эта советская научная школа, полностью разгромленная в начале 1970-х годов брежневской челядью, внесла ощутимый вклад в осмысление России, как тогда говорили, периода империализма. А.Л. Сидоров, И.Ф. Гиндин, К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев и др. подняли вопрос об отличиях буржуазного строительства в России от западной модели, основанной на свободном рынке. Именно благодаря им была разработана точка зрения на российский капитализм как результат в первую очередь целенаправленных усилий государства, а не конкурентных действий субъектов рынка. Другое дело, что постсоветские реалии не располагали к позитивному восприятию подобного. Однако сегодня очевидно, что именно идеи названных учёных должны служить отправной точкой для будущих исследований.

На повестке дня — не лёгкая корректировка сложившегося постсоветского исследовательского формата, а выход на новый уровень осмысления материала.

Глава первая

ЧТО СКРЫВАЕТ ФЕНОМЕН С.Ю. ВИТТЕ

На небосклоне последнего царствования сверкает звезда министра финансов Сергея Витте. Это стало настолько привычным, что, казалось бы, добавить к этому практически нечего. Его ослепительное сияние призвано подкрепить версию о вырождении верхов, проиллюстрировать их недееспособность. Нам упорно указывают: они не могли оценить гения российской модернизации, и потому его благие усилия в конечном счёте сошли на нет. Неудивительно, что фигура отвергнутого реформатора крайне привлекательна для тех постсоветских учёных, которые пытаются так или иначе оправдать историческое фиаско отечественных либералов. Кроме того, историографическая востребованность Витте объясняется, так сказать, техническими причинами: сведения о нём лежат на поверхности, исследователей ждут готовые оценки всего и вся, изложенные в собственных обширных мемуарах министра.

Но, пожалуй, главное, что там обнаруживается, — это самопрезентация Витте в качестве главного модернизатора России, окружённого отсталыми и косными людьми. Именно этого взгляда придерживаются многие, и даже серьёзные историки, как у нас, так и за рубежом. В советский период его наиболее последовательно проводил И.Ф.Гиндин: он рассматривал деятельность Витте как попытку продвигать буржуазные реформы, к которым верхи, в отличие от либералов 1860–70-х годов, оказались не готовы¹. А после крушения СССР российские учёные заговорили уже о целой

---

¹ Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. №4. С. 111.

реформаторской системе, разработанной Витте¹. Всё закончилось исследованиями, которые, несмотря на добротный уровень, являются по сути иллюстрацией к виттевским мемуарам². И потому одна из задач настоящей книги — оспорить эту тенденцию, расчистить наслоения, по-новому осмыслив последний, самый интересный этап существования Российской империи.

Сомнения в правдивости мемуаров Витте высказывались с момента их публикации за границей. По большому счёту они представляют собой не объективное изложение, а скорее напоминают покрывало, наброшенное в угоду личным амбициям на целый период нашей истории. Именно в таком ключе к ним отнеслись очевидцы царской поры. Последний царский министр путей сообщения, всю жизнь проработавший в железнодорожной отрасли, Э.Б. Кригер-Войновский указывал на присущее Витте бесцеремонное обращение с истиной, что особенно проявилось в его воспоминаниях³. Менее дипломатично выразился бывший директор департамента полиции А.А. Лопухин: «Как бы ни смягчать мнение о них [мемуарах], их нельзя рассматривать иначе, как свидетельство полной потери автором малейших признаков достоинства⁴. Злобным пасквилом назвал их и бывший чиновник МВД С.Н. Палеолог⁵. Об озлобленности и предвзятости повествования писал и хорошо знакомый с Витте В.И. Гурко, посвятивший разбору воспоминаний обширную статью⁶. Занимавший пост начальника канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолов, прочитав мемуары, решил в противовес виттевскому описанию поделиться сведениями, которые помогут составить более ясную картину о том же периоде⁷. А «владелец пера» Л.М. Кляч-

¹ *Ананьин Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 83–97.

² *Ильин С.В.* Витте. М., 2006.

³ *Кригер-Войновский В.Н.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. М., 1999. С. 81.

⁴ *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний. М-Пг., 1923. С. 4.

⁵ *Палеолог С.Н.* Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 207.

⁶ *Гурко В.И.* Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // Русская летопись. Вып. 2. Париж, 1922. С. 58–154.

⁷ *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 27.

ко-Львов после знакомства с текстом посчитал нужным опросить оставшихся в стране представителей царской бюрократии, дабы хоть что-то противопоставить этим откровениям¹.

Начнём с интеллектуального багажа Витте, который выглядел, надо признать, более чем скромно: налёт славянофильства, привитый в юности родным дядей, получерносотенным Р.А. Фадеевым, будни на железной дороге, небольшие заметки в «Московских ведомостях» М.Н. Каткова и «Руси» И.С. Аксакова да пара брошюр. Одна посвящена специальной теме «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» (1883) — предложенный в ней набор общеизвестных мер ни у кого не вызвал возражений. Хотя автор текста упорно использовал на Юго-Западных железных дорогах, где служил, тарифы с теми самыми недостатками, которые критиковал в своём же сочинении, и это не осталось незамеченным². Другая брошюра — «Национальная экономика и Фридрих Лист» (1889), приуроченная к вступлению Витте на государственное поприще в путейском ведомстве³. Интерес к Листу навеян не теоретическими познаниями, а славянофильской риторикой, поскольку немецкий учёный провозглашал примат национального в экономике и пользовался симпатиями в этой среде⁴. Правда, появление данного труда сопровождалось слухами, будто подлинный его автор — первый муж Матильды Лисаневич (вступившей во второй брак с Витте), который из-за болезни и последовавшей смерти просто не успел опубликовать свою работу. Как иронизировали в Петербурге, текст достался в качестве приданого⁵.

Подобный background разительно отличал Витте от коллег по правительству, многих сановников, причём независимо от политических предпочтений. Если Н.Х. Бунге, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев, Д.А. Милютин, К.Н. Посьет и др. считались (независимо от идейной принадлежности) признанными интеллектуалами, являлись завсегдатаями книжных магазинов, заказывали книги в библио-

¹ Клячко-Львов Л.М. Памятная записка // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Изнар Н.Н. Заметки инженера // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 94.

³ Витте С.Ю. Национальная экономика и Фридрих Лист // Вопросы экономики. 1992. №2, 3.

⁴ Антонов Н.Р. Экономическое учение славянофилов. М., 2008. С. 185.

⁵ Хвостов И.С. Из старого времени // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 95.

теке¹, то о Витте этого сказать никак нельзя. Этим объясняется, что, став министром финансов, он пытался выселить знаменитую Императорскую публичную библиотеку из здания на Невском проспекте, где та располагалась, и приспособить помещения под фондовую биржу и Государственный банк. Такое безразличие к научно-просветительской цитадели царской России говорит само за себя. Лишь протесты общественных авторитетов того времени (И.И. Толстой, В.В. Стасов и др.) не дали осуществиться задуманному².

Разные люди, лично знавшие Витте, едины в одном: на роль интеллектуала-стратега тот никак не тянул. Например, довольно близкий к нему А.А. Половцов оставил такую характеристику: «человек очень умный, но лишённый и первоначальных, и всяких государственных сведений»³. Ему вторит государственный контролёр П.Х. Шванебах, работавший с Витте в правительстве: ему нет равных «в искусстве достигать ближайшие конкретные цели, будь то низвержение противника или заключение займа и даже договора; при этом он совершенно лишён способности к высшим государственным концепциям, совершенно не сведущ в истории и в условиях государственной жизни»⁴. Аналогичную оценку даёт и товарищ управделами Совета министров А.С. Путилов, много лет наблюдавший Витте: «В огромном большинстве случаев в образе его действий нельзя видеть того холодного расчёта, который обычно руководит действием государственных мужей. Он большей частью действует под влиянием минутного впечатления, только ум и наглость позволяют ему это скрыть и подыскать высокие государственные соображения, побудившие его на этот шаг»⁵. В том же духе высказался К. Головин: «Работоспособностью он отличался необычайной. Энергией превосходил значительно всех своих коллег... но едва ли

¹ Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пг., 1916. С. 285–289, 297–298, 309–310, 315–317.

² Каренин В. Владимир Стасов: очерк жизни и деятельности. Ч. 2. Л., 1927. С. 609; Куликов С.В. Граф И.И. Толстой и реформа Императорской Академии художеств // Во главе Императорской Академии художеств. Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898 годы. М., 2009. С. 54.

³ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 годы (22 ноября 1893 года). СПб., 2014. С. 64.

⁴ Шванебах П.Х. Витте и переворот (заметки очевидца) // Исторический архив. 2010. №5. С. 136.

⁵ Путилов А.С. Воспоминания и граф Витте // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 14.

желающие видеть в нём прежде всего преобразователя не ошибаются насчёт богатства его творчества»¹.

Та же тональность и в мемуарах Н.Е. Врангеля, знавшего Витте много лет: «Государственным человеком в европейском смысле его назвать нельзя, ибо ни установленного плана, ни цели у него не было. В общей политической обстановке он не разбирался... Он был не государственный муж, а временщик; очень умный, очень работоспособный и очень ловкий человек»². Бывший начальник департамента полиции А.А. Лопухин более резок: «Мне в моей жизни и деятельности пришлось видеть много людей самых разнообразных калибров, но я никогда не встречал человека, в котором степень образования, даже сумма практических сведений так не соответствовала его положению, как в Витте. Он окончил курс в университете на математическом факультете, но трудно думать, чтобы после этого он когда-либо что-либо читал»³. В завершение приведём мнение лояльного к Витте человека: «...В нём слышался недостаток государственного образования. Он очень слабо владел французским языком, совсем не знал немецкого и с европейским умственным миром был знаком только посредством нескольких переводных отрывков, а литература, кроме наук по его специальности, литература всего образованного мира и знание истории, всё было для него чуждое и очень малоизвестное»⁴. Познакомившись с этими оценками, нельзя не удивляться мастиным современным учёным, с лёгкостью называющим Витте «ярким представителем русской экономической мысли»⁵.

Появление в Петербурге этого самородка, похожего на управляющего банкирской конторой из южного торгового города, стало целым событием⁶. На постах, связанных с железной дорогой,

¹ Головин К. Мои воспоминания. СПб., 1910. Т. 2. С. 252.

² Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 275–276.

³ Лопухин А.А. Обрывки воспоминаний. С. 68.

⁴ Глинский Б.Б. Период твёрдой власти (исторические очерки) // Исторический вестник. 1912. №7 (Т. 129). С. 686.

⁵ Абалкин Л.И. Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте // Витте С.Ю. Собрание сочинений и дополнительных материалов. М., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 12.

⁶ Львов Н.Н. Граф С.Ю. Витте и П.А. Столыпин // Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 145.

он выглядел вполне органично, но не во главе финансового ведомства. Бросалось в глаза его слабое знакомство с модернизационными планами, намеченными ранее Бунге. К примеру, он в чисто славянофильском духе выступал страстным поборником общины, не видя в ней главной причины сельскохозяйственной отсталости: да, община стесняет некоторых исключительно предприимчивых лиц, но она «вовсе не предназначена служить ареной для инициативы и экспериментов людей исключительных» — за ней великая охранительная и дисциплинирующая сила¹. Ещё более примечательно отношение Витте к введению денежного обращения на основе золота: он не был сторонником золотой валюты и предпочитал использовать бумажную инфляцию, чтобы иметь под рукой материал для кредитования предприятий. В первые два года его управления Минфином задуманная предшественниками денежная реформа оказалась фактически свёрнута. В итоге обозначилась развилка: либо выпустить золото в обращение через открытие размена, либо оставить всякую мысль о реформе, обратившись к выпуску кредитных билетов².

Причём выбор этот имел не только финансовый смысл: фактически речь шла о том, какие предпринимательские группы станут опорными для экономического роста. Витте не скрывал симпатий к купеческой буржуазии — принципиальной противнице золотого обращения. Правительственные же финансово-экономические круги, продвигавшие денежную реформу, видели перспективу в широком привлечении в страну иностранных инвестиций, для чего и был необходим золотой стандарт. Развязка последовала только весной 1895 года, когда Витте всё-таки проникся идеями Бунге, в своё время начинавшего готовить денежную реформу. Тогда же министр меняет и точку зрения на общину, ратуя теперь за её ликвидацию. Спустя годы в ходе заседаний Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности Витте не без иронии указывали, с какой энергией осенью 1893 года он бился в Госсовете за закон «О неотчуждаемости крестьянских земельных наделов», фактически консервировавшего общинные

¹ Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918. С. 248–250.

² Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898 годы. СПб., 1899. С. 40.

порядки¹. После такого напоминания Витте признавался, что переосмыслил свою приверженность к общине после консультаций с Бунге². То есть только пройдя ряд идейных метаморфоз, Витте утрачивает налёт славянофильства и решительно вживается в образ государственного деятеля иного типа.

Содержательную уязвимость Витте с лихвой компенсировал решимостью окунуться с головой в дела, а «его непосредственность и отсутствие царедворческих привычек» импонировало Александру III, который видел в этом «внешнее проявление прямоты и искренности»³. В деловой хватке чиновника государь смог воочию убедиться в ходе конфликта Минфина с Министерством путей сообщения по поводу строительства железнодорожной ветки Рязань — Казань. На совещание у императора глава финансового ведомства Вышнеградский взял Витте, который помог буквально «размазать» оппонентов⁴. Когда Александр III решил отставить главу МПС А.Я. Гюббенета, то после просмотра ряда кандидатов, изъявивших желание видеть на месте товарища министра именно Витте, он, ни с кем не посоветовавшись, сделал последнего управляющим Министерством путей сообщения⁵. Вышнеградский в душе остался этим крайне недоволен⁶. Кадровое решение императора стало неожиданным ещё и потому, что в МПС Витте ненавидели, а взаимные оскорбления едва не довели его и Гюббенета до дуэли, о чём судачил весь Петербург⁷. Однако это несколько не помешало Александру III уже в конце 1892 года переместить своего протеже ещё выше — в кресло министра финансов. Причём Вышнеградский, из-за болезни вынужденный покинуть этот пост, уже прямо говорил императо-

¹ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 5 февраля 1905 года (выступление И.Л. Горемыкина) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–10.

² Там же. Л. 14.

³ *Ковалевский В.И.* Из воспоминаний о графе С.Ю. Витте // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

⁴ *Изнар Н.Н.* Заметки инженера // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 91–92.

⁵ *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 54–55.

⁶ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.-Л., 1924. С. 156 (запись от 6 марта 1892 года).

⁷ *Propper S.M.* Was nicht in die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredaktenes der «Birschewyja wedomosti». Frakfurt a. M. 1929. S. 393.

ру о нецелесообразности такого назначения. Он даже предлагал выделить из Минфина вопросы торговли, таможни, передав их в ведение МПС, т.е. под Витте, а финансы поручить кому-то более подготовленному, но Александр III остался непреклонен¹.

Принимая предложение возглавить ключевое ведомство правительства, Витте прекрасно понимал, какие трудности подстерегают его на этом поприще; должность, дававшая большую власть, могла обернуться полным фиаско. Поэтому он озаботился поиском союзников и прежде всего подумал о близком к Александру III министре двора графе И.И. Воронцове-Дашкове. Этого сановника связывала совместная служба с виттевским дядей Р.А. Фадеевым: когда-то оба начинали на Кавказе адъютантами князя А.И. Барятинского. Затем они не прерывали отношений, обменивались визитами, а Воронцов-Дашков помнил ещё юного фадеевского племянника, боготворившего своего славянофильски настроенного родственника². Витте не скрывал подчёркнутого почтения перед министром двора, часто повторял, что с детства был очарован его «рыцарской натурой»; портрет Воронцова-Дашкова даже украсил кабинет только что назначенного министра финансов на Мойке³. Однако надёжной опоры из представителя императорского окружения не получилось. Его активность к середине 1890-х годов резко понизилась, не менее шести месяцев в году он стал проводить в своём обширном тамбовском имении, занимаясь сельскохозяйственными экспериментами⁴. Конечно, граф сочувствовал Сергею Юльевичу, например, содействовал перемещению минфиниоца А.С. Ермолова в кресло министра земледелия (для Витте, правда, это больше напоминало избавление от авторитетного сотрудника, нередко выступавшего с критикой)⁵. Но использование Воронцова-Дашкова в постоянном режиме оказалось проблематичным, тем более когда после назначения Кавказским наместником в 1897 году тот вообще отбыл из Петербурга⁶.

¹ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Т. 2. СПб., 1911. С. 221.

² *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 36.

³ *Кривенко В.С.* В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 260.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 423.

⁶ Кстати, вернувшись во власть осенью 1905 года, Витте продемонстрировал крайне неуважительное отношение к тому, кого называл «рыцарем» и чей

Главная ставка Витте при Александре III была связана с преемником графа Д.А. Толстого на ключевой правительственной посту министра внутренних дел — И.Н. Дурново. Как подчёркивали современники, тот «пользуется полным доверием государя и каждый день получает более и более влияния»¹. Его благосклонность Витте завоёвывает тем, что присоединяется к комбинации, имевшей целью сделать главой МПС директора хозяйственного департамента МВД А.К. Кривошеина. Получив назначение в Минфин, Витте «решительным образом» рекомендует своим преемником в путейское ведомство именно Кривошеина, поскольку очень «нуждался в поддержке Ивана Николаевича Дурново»². Эти старания были нелишними и ещё по одной причине. Переезд Витте в Петербург ознаменовался одной неприятной ситуацией, настроившей против него столичный свет. Дело в том, что в киевский период его поддерживал адмирал Н.М. Чихачёв, возглавлявший тогда Российское общество пароходства и торговли (РОПиТ), которому принадлежала Одесская железная дорога³; там начинал служить молодой Витте, и Чихачёв ему покровительствовал. Особенно сблизила их Тилигульская катастрофа 1875 года, когда обоих пытались привлечь к ответственности за халатность на линии, повлёкшую гибель людей⁴. Но всё обошлось, и на карьерах того и другого эта трагедия не отразилась. Более того, адмирал с 1888 года встал во главе Морского министерства, а Витте спустя год оказался в кресле начальника департамента Минфина. Чихачёв, довольный этим обстоятельством, даже сватает одну

портрет держал в кабинете. Он начал порочить Воронцова-Дашкова, требовать его удаления в связи со слабым здоровьем, предлагал вынести на правительство вопрос о разделе наместничества на три генерал-губернаторства. Все эти предложения Витте излагал императору до тех пор, пока тот не отверг планы по реорганизации наместничества, повелев оставить Воронцова-Дашкова на прежней должности. См.: Мемория Совета министров об изменении полномочий Наместника Кавказского. 2 января 1906 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 461. Л. 2–8 (резолуция Николая II).

¹ Полоцов А.А. Дневник государственного секретаря (запись от 5 декабря 1889 года). Т. 2. М., 2005. С. 259.

² Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. С. 511

³ Чихачёв Николай Матвеевич // Государственный совет Российской империи. 1906–1917 годы. Энциклопедия. М., 2008. С. 311–312

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 99–105.

из своих дочерей, коих у него с полдюжины, за Витте. Однако тот женится на Матильде Лисаневич. Негодование адмирала и сочувствующего ему столичного бомонда не знает границ: на репутации оскорбившего почтенного человека, казалось, поставлено несмыслимое пятно¹. С императором вопрос о женитьбе как раз и помог утрясти новый союзник И.Н. Дурново². Но вот с петербургскими верхами, где Витте предстояло вращаться, дело обстояло гораздо сложнее. И здесь он сделал выбор, который в дальнейшем без преувеличения позволил ему состояться как государственному деятелю вопреки неблагоприятному настрою элиты.

В своих мемуарах об этом судьбоносном для себя моменте Витте упоминает сухо: «Я посоветовал государю назначить Сольского, бывшего государственного контролёра, который оставил пост отчасти потому, что с ним был удар, а отчасти потому, что он по политическому направлению подходил больше к направлению Александра II, т.е. был так называемого либерального направления»³. На наш взгляд, в этой фразе — ключ к пониманию виттевских успехов на государственной ниве. Речь идёт о должности руководителя департамента экономии Государственного совета — это серьёзная аппаратная позиция: там рассматривались и утверждались сметы всех ведомств. Понятно, что никакой министр финансов не мог полноценно функционировать, не имея поддержки руководителя этой ключевой структуры. У Витте перед глазами был пример Вышнеградского, чей авторитет во власти значительно уступал А.А. Абазе — в то время как раз руководителя департамента экономии Госсовета. Подчёркивая своё привилегированное положение, тот нередко действовал по своему разумению, не считаясь с министром и создавая ему значительные сложности. По свидетельству очевидцев, он из Вышнеградского просто «верёвки вил»⁴.

¹ *Кольшико И.И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 118. В своих мемуарах Витте сполна «отплатил» Чихачёву, обвинив его в полном развале флота, что и стало одной из причин поражения в Русско-японской войне 1904–1905 годов, см.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 309

² Дневник Т.И. Филиппова (запись от 27 августа 1892 года) // РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

³ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 241.

⁴ Дневник Т.И. Филиппова (запись от 27 августа 1892 года) // РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.